

Нет худа без добра: работающая по контракту во Франции Тамара ГВЕРДЦИТЕЛИ рассчитывала заглянуть в Москву на пару дней, но обстоятельства заставили певицу задержаться здесь почти на месяц. Во временном пристанище Тамары в гостинице "Пекин" мы и говорили о Париже и не только о нем.

— Вас уже можно назвать парижанкой?
— Нет, я гражданин мира. А если серьезно, для того чтобы быть парижанкой, надо родиться в этом городе. Я же всего лишь работаю в Париже, обитая в различных гостиницах, на квартирах у моих друзей.
— В чем суть вашего французского контракта?
— Я собираюсь записать диск, но сейчас, к сожалению, умер мой продюсер, поэтому работа временно приостановилась. Однако я убеждена, что трудности преодолимы, бросать задуманное на полпути я не намерена. Пластинка — это ведь только ступенька к моей мечте.
— Какой?
— Выступить с сольными концертами на сцене знаменитой "Олимпиа". Я уже успела поверить, что мое желание осуществимо, уже прониклась этой идеей, поэтому и не хочу сдаваться и отступать.
— Вы еще не пробовали себя на французской сцене?
— Один раз выступала. На презентации русских духов "Маруся" я исполняла романсы. Это делалось по желанию французской стороны. Да и вообще нет ничего удивительного в том, что я пела русские романсы. Грузинские исполнительницы всегда это делали прекрасно — Церетели, Бреговдзе, Джапаридзе...
— Слышал, несколько песен специально для вас написал Мишель Легран.
— Это правда. Пока существует четыре песни, в перспективе должно набраться на пластинку. Стихи принадлежат Жану Дрежаку, работавшему в свое время с Эдит Piaф. Все это, конечно, такие фантастические имена для меня, от которых до сих пор немножко кружится голова.
— Почему именно на вас остановился выбор?
— У Леграна огромная коллекция кассет с записями выступлений певцов из самых разных стран мира. Мсье Мишель слушает эти записи и выбирает для себя тех, с кем хотел бы сотрудничать.
— И вы тоже направили Леграну кассету своих песен?
— Нет, я сама ничего не посылала. Мой продюсер сумел подать меня таким образом, что пробудил интерес у композитора. Легран мне потом показывал полки, забитые кассетами. Уже то, что меня заметили, считаю успехом.

Моск. правда - 1992 - 26 дек. - с. 4

РАЗГОВОР В "ПЕКИНЕ" О ПАРИЖЕ

— Вы владеете французским?
— Учу, но пока как-то трудно, знаете...
— Но в Париже вы чувствуете себя комфортно?
— В этом городе себя хорошо чувствую талантливые люди и авантюристы.
— Вы себя к какой категории относите?
— То, что я имею контакты с очень солидными людьми, подтверждает, что к авантюристам я не принадлежу. А в остальном... Как говорил Бальзак, Париж — это океан, и каждый может найти в нем свое место. Бесспорно, что людям одаренным в этом городе легче раскрыться, проявить себя.
— Значит, в будущем вы рассчитываете навсегда осесть в Париже?
— Пока таких наполеоновских планов я себе не строю. Просто у меня появилась возможность поработать во Франции, и было бы непорочительной глупостью с моей стороны упустить такой редкий шанс. Так что окончательно перебраться во Францию я не собираюсь, хотя абсолютно ясно, что Париж — это Мекка культуры и во все века творческие люди стремились в этот город, готовы были жить даже на чердаке, но — в Париже.

Понимаете, граница для меня — не самоцель. Я ведь, например, не рвусь в Америку попеть перед бывшими советскими. Париж для меня — некая планка, критерий.

— Но если допустить, что все заладится?
— Не требуйте от меня большего, чем я могу сказать. Нет, я не пытаюсь что-то скрыть, просто говорю вслух об эмиграции... Нас ведь так воспитывали, что за этим понятием стоит нечто гораздо большее, чем просто смена места жительства. Понимаете, чтобы жить в Париже, я должна чувствовать себя там органично. На это уйдут годы. Я ощущаю себя дома в Тбилиси, где моя родина, в Москве, потому что моя вторая культура — это русская культура. А к Франции еще надо привыкать.

— А в Тбилиси вы давно не были?
— Да, к сожалению, давно. Есть для этого и объективные причины — фестивали, гастроли, но есть и чисто личные моменты... Только не заставляйте меня давать политическую оценку происходящему сейчас в Грузии! Это все ужасно, об этом больно говорить.
— Но вы не стали теперь для Москвы иностранкой?
— Нет. Для меня не существует всех этих границ, разделений, отделений. И такое впечатление, что и люди сейчас стали лучше ко мне относиться. Раньше как было? Некий гипотетический старший брат — Советский Союз и младшие сестры — братские республики. Помню, как в 1982 году меня на новогодний "Голубой огонек" не записали, объяснив, что квота Грузии уже выбрана другими исполнителями. А сегодня меня зовут на концерты, не беря в расчет, что я представитель "кавказской" национальности. Прежде мы чувствовали свою второсортность, сейчас, кажется, этого стало меньше.

— Ваша мама рассказывала мне, что вас очень хорошо принимают в Израиле.
— Да, я гастролитовала там раз семь. Концерты всегда проходили с аншлагом.

Фот. Алексей АЗАРОВА

— Вы ведь имеете все основания претендовать на израильское гражданство. Ваша мама еврейка, а в Израиле, как известно, национальность определяется по материнской линии.

— Да, основания есть, но это не значит, что я так и сделаю. У меня ведь растет сын Сандро, а его отец грузин... Хотя в Израиле очень радуются, когда узнают о моих еврейских корнях, особенно приветствуется то, что это никогда специально не скрывалось. У мамы ведь и в паспорте записано, что она еврейка.

— И все-таки: вам в Израиле не делали официальных предложений принять гражданство?
— Делали. И очень серьезные предложения. Я думаю над этим. Это постоянная живая тема.

После Нового года я опять собираюсь на гастроли в Израиль. Возьму на этот раз с собой маму. Хочу, чтобы она побольше общалась с землей своих предков. Кроме того, там есть наши двоюродные дядя, тети. А родной дядя, к слову, живет в Нью-Йорке.

Кстати, по отцовской линии в нашем роду были светлейшие грузинские князья.

— Сейчас этим можно гордиться, а прежде, наверное, приходилось скрывать? Как же — вы ведь были членом ЦК комсомола, делегатом съездов и так далее.

— Ой, не говорите! Но поверьте, что я никогда не была обласкана какими-то особыми привилегиями — ни дач, ни квартир, ни машин по блату или вне очереди.

— А как же ваша свадьба, о которой даже "Комсомольская правда" репортаж опубликовала? Вам тогда, кажется, вручили символические ключи от новой квартиры?

— Именно что символические. Дальше ключей из картона дело не пошло. Три года мы жили в двухкомнатной квартире мужа вместе с его больной мамой. Не поверите, мой роуль стоял на лоджии, поскольку в комнатах он не помещался. Потом уже мы сделали родственный обмен, более-менее обустроили свой быт. Но об этом, разумеется, в газетах уже не писали. Им хватило той мильной оперы с символическими ключами для молодоженов. Время было такое. Да что мне говорить? Сами знаете: показуха.

— С Эдуардом Шеварднадзе вы, должно быть, знакомы много лет?

— С той поры, когда я выступала в детском вокально-инструментальном ансамбле "Мзиури". Мне тогда было десять лет, а этот человек стоял во главе государства, был первым секретарем ЦК, то есть властью обладал побольше нынешней президентской.

— Без "Мзиури" тогда, наверное, в Грузии ни одно политическое действие не проходило?

— Абсолютно точно. Поскольку я была ведущей солисткой, меня все знали. Интересно вспоминать, перед кем мы выступали — Корвалан, Живков, Роберт Кенеди, Фидель Кастро... Фотографии остались. Мы прославляли родину и наше счастливое детство.

Позже я поняла, что на наших улыбках, сияющих мордашках спекулировали, но мы-то пели честно.

— Тамара, вам приходилось использовать свое знакомство с Шеварднадзе?

— С личными просьбами я никогда ни к кому не обращалась. Я не позволяла себе злоупотреблять добрым отношением ко мне. Старалась решать свои проблемы сама. Хотя я буду скрывать, если станет совсем невмоготу, попыто и на поклон, мне не откажут. Пока же моя гордыня не позволяет мне идти к кому-то на помощь. А может, и жизнь не вынуждает это делать. Дай бог, чтобы и не заставила.

Андрей ВАНДЕНКО.